...Меня вели по длинному, скрадывающему звуки шагов бетонному коридору. За моей спиной молча шли три человека, никто из них не проронил ни слова, но я знал, куда меня ведут. Знал с самого начала, с того самого момента, когда открылась дверь камеры и кто-то невидимый выкрикнул мою фамилию. Несмотря на тишину коридора, мои собственные шаги гремели так, как будто какой-то ненормальный шутник шёл рядом и ударял меня бубном по голове! В конце коридора замаячила дверь, гул в голове от шагов стал стихать, и я с облегчением увидел, как через щели неплотно прилегающего к косякам дверного полотна, пробиваются полоски света.

Дверь открылась разом, так что я от неожиданности остановился как вкопанный. И, прежде чем в голове мелькнула мысль о том, что надо бы идти, почувствовал сильный толчок в спину, который буквально вытолкнул меня из распахнутых дверей. Глаза к свету привыкли быстро, всё-таки в камере я пробыл всего несколько дней, пока шли какие-то разбирательства. А не сидел, как некоторые, месяцами, а то и годами.

Послышалась команда: «К стене!» Я усмехнулся и, осмотрев кирпичный «колодец», являющийся внутренним двориком большого здания, спросил, ни к кому, собственно, не обращаясь: «К которой стене-то? К какой вы больше привыкли?» — «Она прямо перед тобой!»

Я пожал плечами и пошёл к выщербленной пулями кирпичной стенке. О том, что стена попорчена именно пулями, можно было определить сразу, так как в некоторых сколах красного кирпича матово поблёскивали кусочки свинца. Кто отдавал приказы и говорил со мной, я не мог понять,

пытался определить, но ничего не получалось. Всегда выходило так, что, когда я пытался разглядеть говорившего, рты у них у всех оказывались закрытыми. И мне даже казалось, что и ртов-то у них ни у кого не было!

Дойдя до стены, я развернулся и посмотрел на своих сопровождающих, которых почему-то стало уже пятеро, хотя, когда мы вышли на улицу, в этом дворике не было никого. «Отвернуться к стене!» — послышалась команда от кого-то из них.

Я опять усмехнулся. Всё! Больше я ваши команды выполнять не буду. Я знал, для чего вы меня сюда привели. И знал, почему вы собираетесь меня расстрелять. Вы хотите меня убить только за то, что я сын русского дворянина. А значит, и сам дворянин. А дворянам у вас веры нет! Вы по чьим-то извращённым понятиям считаете, что русский дворянин обязательно станет предателем родины! А в это тяжёлое для страны время и подавно побежит сдаваться.

Как в замедленной съёмке, я видел, как эти пятеро подняли ставшие почему-то очень длинными винтовки, настолько длинными, что я увидел чёрные зрачки стволов буквально на расстоянии вытянутой руки от себя. Я ясно видел, как эти чёрные пятна подрагивают, словно от нетерпения. Как будто они хотят как можно быстрее выплюнуть в меня свинец и, выполнив эту важную работу, успокоиться и застыть в тревожном ожидании следующего выстрела.

Но вот гигантские стволы, наконец, замерли и, приблизившись почти вплотную к моему лицу, стали увеличиваться в диаметре. Они расползались в стороны, как чернильные пятна на промокашке. Они соприкасались между собой и поглощали друг друга до тех пор, пока не остался только один громадный срез ствола, перед которым я стоял, как перед тоннелем. Я судорожно втянул в себя воздух и вдруг понял, что пока происходили эти оружейные метаморфозы, вокруг стояла оглушительная тишина. Это была совершенная, первозданная тишина, и когда послышался металлический грохот, очень похожий на лязг затвора, я понял, что вот сейчас из ствола вылетит гигантская пуля и расплющит меня. Но я ошибся, из чёрного тоннеля вырвалась не пуля, а ярко-красный сгусток, который охватил всё моё тело, а потом с неимоверным грохотом взорвался в голове...

Я сидел на кровати и, тяжело дыша, смотрел в окно, за которым на столбе висел фонарь и, покачиваясь, разбрасывал по комнате быстрые тени.

— Ты чего так подкинулся? С тобой всё в порядке? — раздался сонный голос жены, и она, сев рядышком, погладила меня по спине.

— Всё в порядке родная, ложись! — пробормотал я.— Просто сон неприятный приснился. Спи.

Тревожные ощущения, навеянные сном, развеялись быстро. Не я успел я прибыть на работу, как начался обычный дурдом отделения уголовного розыска, который очень быстро вправил мне мозги и наставил на путь истинный. А через пару дней я уже совершенно забыл о ночном кошмаре.

Рабочий день уже закончился, и служивый народ дружно топтался под большим навесом, укрывающим входную дверь в отдел полиции от непогоды. Шёл дождь, и не просто дождь, а сильный дождь, и все, у кого по глупости не оказалось зонта, с завистью смотрели на обладателей оных, которые гордо скакали по лужам — кто к своей машине, а кто на автобусную остановку. Я тяжело вздохнул: моя машина стояла метрах в двухстах, а зонта не было. Пока добегу, промокну насквозь. Подожду, может, какое «окошко» появится, и тогда успею до машины добраться, не вымокнув.

Мне повезло, дождь прекратился, и я, не особо-то и торопясь, добрёл до машины, успел даже сесть и завести двигатель, как непогода разыгралась с новой силой. В салоне было тепло и уютно от работающей печки, окна «затянуло», и я оказался в своём маленьком мирке, в котором меня никто не беспокоил. Откинув спинку кресла, поудобнее устроился, и, прикрыв глаза, начал слушать, как по крыше машины топчутся беспокойные капли.

...Теплушку болтало как ненормальную, и я в который уже раз удивился этому. Ну да, можно сделать скидку на то, что до войны мы ездили в пассажирских вагонах, которые были не такие разболтанные и расхлябанные. Да, и на это надо было сделать скидку, и на то, что чинить подвижной состав в военное время просто было некогда. Я вздохнул. Всё это, конечно, понятно, но я просто не ожидал, что будет болтать так, что если не держаться за стенки, можно и свалиться.

«Толик! Хватит там торчать!» — услышал я чей-то голос, но не придал этому значения. «Толь! Давай иди сюда, обедать пора! Отцепись ты от этого бревна!» — совсем уже рядом раздался тот же голос, и кто-то потеребил меня за рукав гимнастёрки.

Но я уже перестал обращать на это внимание. Откуда-то спереди, от головы состава, на меня накатывала волна тревоги. Я перегнулся через брус, перегораживающий широкие двери теплушки, и, щурясь от встречного ветра, стал внимательно всматриваться вперёд. И я увидел их. Две точки, которые быстро увеличиваясь в размерах, гнали перед собой волну страха. Пара фронтовых бомбардировщиков! Они шли в лоб составу, и я понял, что даже если мы сейчас начнём тормозить, остановиться эшелон всё равно не успеет. И тогда состав начал набирать ход, а навстречу самолётам потянулись хиленькие пулемётные трассы, которые явно не могли остановить несущуюся навстречу поезду крылатую смерть.

Однако пулемётчики поработали как надо! От их светлых, прочертивших серое небо полос самолёты, ощерившись свастикой, шарахнулись в разные стороны. В последний момент я успел увидеть, как они, поднявшись выше, пошли на очередной заход, но уже с хвоста поезда. Опять на меня накатила холодная волна страха, но я, выдержав характер, стал смотреть, как один из самолётов, завершив разворот, начал быстро догонять несущийся уже на большой скорости состав. Грохот стоял неимоверный, вагон швыряло так, что на ногах уже никто и не пытался устоять; сам я стоял только потому, что крепко держался за дверную перекладину.

И вдруг наступила тишина. Перестало болтать теплушку, и даже лесок, мимо которого мы проезжали, замер размазанной серо-зелёной стеной напротив открытых дверей вагона. И тогда я увидел её! Эта была бомба! Она летела сверху, как будто бы её родило неприветливое серое небо и за ненадобностью избавилось от столь опасного дитяти. Я подумал, что наш вагон наверняка успевает проскочить под ней. Скорость у поезда большая, мы успеем, успеем!..

Но мы не успели. В давящей на мозг тишине бомба приблизилась и, зависнув прямо над крышей нашей теплушки, начала медленно на неё опускаться, увеличиваясь в размерах. Я отцепился от перекладины и, чтобы избавится от

страшной тишины, зажал ладонями уши. Не помогло, тишина продолжала грохотать в моей голове, и тогда, закрыв глаза, я прямо сквозь веки увидел, как посредине увеличившейся до размеров вагона бомбы промелькнула ярко-красная полоса, которая, рывком увеличившись, выплеснула на меня и на замерший во времени вагон красный сгусток пламени...

Тихо урчал прогретый двигатель, а я сидел, тупо уставившись в лобовое стекло, и, несмотря на то что в салоне было тепло, чувствовал, как по телу пробегают неприятные холодные мурашки. Потом выбрался из машины, передёрнулся от прохладного воздуха и, окончательно придя в себя, опять забрался в машину и направился домой.

— Слушай! А может, ты того — рехнулся?! — с азартом предположила жена, узнав о моей очередной смерти.— Ну а что? Работа у вас идиотская! Вот и сами вы понемногу становитесь... того!..

— Да ну тебя! — отмахнулся я.

— А может, ты просто переутомился? У вас же почти всё время «усиленные варианты несения службы»!

— Да какое там переутомился! — фыркнул я.— К судорогам руководства мы уже давно притерпелись и усиления проводим в каких-нибудь засадах или в кабинетах, совершенствуя мастерство в азартных играх.

— Ну, тогда не знаю. Может, тебя соответствующему доктору показать?

Я удивлённо уставился на неё.

— Ну а что? — понесло жену.— Тебя сразу же на гражданку отправят, дома чаще бывать будешь. Да и дети папу наконец-то в лицо запомнят!

К доктору, разумеется, я не пошёл, так как убийственные сны прекратились, и какое-то время жизнь катилась по накатанной, без особых жизненных потрясений.

...Надежда на то, что мы сможем форсировать реку потихоньку, в темноте, не оправдалась. Как бы мы ни старались соблюдать тишину и маскировку, фрицы нас всё-таки заметили! Заметили и отреагировали, качественно накрыв огнём весь участок переправы. Наше плавсредство могло выдержать шестерых, и вот теперь я стоял на коленях на

наспех сколоченном из нескольких брёвен плоту и лихорадочно, изо всех сил, грёб обломком какой-то доски. Гребли все! Кто чем мог! Доской, прикладом, каской, сапёрной лопаткой. Гребли лихорадочно, выкладывались до хруста в костях. Все мы понимали, что жизненно необходимо как можно быстрее пересечь эту реку смерти, которая лениво катила свои маслянисто-чёрные воды. Мне почему-то казалось, что эта проклятая река играет на стороне фашистов! Она как будто специально тормозила наш плот, вынуждая нас как можно дольше находиться на простреливаемом её участке.

Берег приближался. Свист пытавшихся нащупать нас пуль слился в один неприятный тонкий звук, который перемежался тяжкими взрывами, швырявшими вверх тонны речной воды, перемешанной с илом и обломками лодок и плотов. И среди этой поднятой вверх смеси страшно мелькали разорванные тела людей.

«Ребята! Давай поднажмём! Чуть-чуть осталось!» — услышал я сквозь грохот разрывов чей-то голос и, обернувшись на него, никого не увидел.

Я остался один на своём плоту! Один! Не поднимаясь с колен, быстро огляделся и опять лихорадочно начал грести. Но через несколько секунд перестал размахивать своей доской и бросил её. Я почувствовал чей-то взгляд, тяжёлый, равнодушный взгляд, такой взгляд надо встречать только с автоматом в руках, и я, перекинув из-за спины на грудь ППШ, уже сам стал вглядываться в близкий берег.

Он был там! Он поднялся мне навстречу! Тёмная безликая фигура выросла из влажной прибрежной земли и, отбрасывая в свете осветительных снарядов корявую тень, направила на меня что-то очень похожее на винтовку. И тогда, направив ствол автомата на эту тёмную фигуру, я нажал на спусковой крючок. В наступившей вдруг тишине я видел, как устремились к ней выпущенные из автомата пули, как они летели, посверкивая своими стремительными телами. Видел, как они, погружаясь в темноту зыбкого тела, заставляют его дёргаться и размахивать ставшими неестественно длинными руками. Автомат перестал вздрагивать, кончились патроны, но своё дело я сделал!

Тёмная фигура, распавшись на части, медленно завалилась в воду и растворилась, оставив на поверхности

угольно-чёрное шевелящееся пятно. Терзающая разум тишина не отпускала, она нарастала и нарастала, и когда выносить её стало уже невмоготу, я зажал уши руками и, задрав голову, посмотрел вверх. И там, в подсвеченном мёртвым белым светом осветительных снарядов небе, увидел, как прямо на меня падает снаряд. Он прилетел откуда-то издалека, я знал это, так как на берегу не было сколь-либо серьёзной артиллерии.

Это был мой снаряд, я сразу это понял, а когда понял, пришло облегчение! Исчезла мучительная тишина, и я, вздохнув полной грудью речной воздух, увидел, как снаряд, раскалившись докрасна, растёкся надо мной большой подрагивающей кляксой. Зрелище было завораживающее, и тогда, чтобы лучше рассмотреть это, я встал в полный рост. Как будто ожидая этого, одно из щупалец кляксы метнулось ко мне и, прикоснувшись к моему лицу, взорвалось с оглушительным грохотом, залив меня оранжевым огнём...

«Нда-а-а-а... недолго праздник продолжался...— вяло шевелилась в голове мысль, когда я среди ночи сидел на кухне и, не включая свет, маленькими глотками прихлёбывал горячий чай.— Опять, значит, началось! Выходит, зря я обрадовался тому, что не дурачок! А может, у меня действительно что-то с головой?»

А с другой стороны, больным на головушку я себя совершенно не чувствовал. А если не чувствовал, значит, действительно здоров, и мне надо перестать заморачиваться по этому поводу.

Но, несмотря на принятое решение о своём душевном здоровье, соответствующему специалисту я всё же позвонил. Нашёл в Интернете солидную, внушающую нешуточное доверие рекламу и позвонил. Однако разговора не получилось. Обладатель приятного мужского голоса, ответивший на мой звонок, узнав, что мне снятся сны военной тематики, с тревогой в голосе порекомендовал мне немедленно приехать к нему в офис. В офисе, в спокойной обстановке, мы должны будем заключить договор, для того чтобы он мог немедленно начать лечение моего больного сознания. Иначе я очень скоро закончу свою жизнь в психиатрической клинике. Продолжать беседу я не стал.

Сны мне снились часто, самые разные, в любой обстановке, где бы я ни засыпал! Вот и сейчас, чувствуя, что слипаются глаза, я повозился на надувном матрасе, удачно пристроенном под кустами возле реки. Устроился поудобнее и закрыл глаза.

...Взвизгнула сирена, и я, открыв глаза, тревожно огляделся. Всё! Прибыли на место, скоро прыжок. Следуя примеру своих товарищей, встал и, чувствуя дрожь в ногах, приготовился. Перед прыжком я почему-то никогда не мог унять дрожь в коленях. Как бы я ни старался, колени всё равно предательски подрагивали. Да! Я боялся! Все мы боялись! Я видел это по напряжённым лицам парашютистов, у меня лицо было точно такое же, я был в этом уверен. Мы боялись высоты, боялись того, что нас может ждать там, на земле. Да, мы боялись, но эти страхи были важны для нас только сейчас, в данную минуту, когда ничего ещё не началось. А когда дойдёт до дела, когда в уши ударит свист ветра, а потом и свист пуль,— вот тогда страх уйдёт! И останется только ненависть...

Довольно сильный рывок раскрывшегося парашюта — и я, поправив лямки подвесной системы, покачиваясь, стал опускаться в темноту. Здесь, наверху, ночь не была такой тёмной, как там, возле поверхности, и я про себя начал повторять: «Быстрее, быстрее, быстрее!..» Чем меньше мы находимся в воздухе, тем лучше.

Лучи прожекторов ударили сразу с нескольких сторон! Это произошло настолько неожиданно, что я чуть не вскрикнул. Нам не повезло! Очень сильно не повезло! По всей вероятности, кто-то из разведки что-то не доработал, и мы попались. Лучи прожекторов, как ненормально прямые щупальца, судорожно задёргались, выискивая цели. Находили — и тут же к освещённым куполам парашютов тянули свои тонкие бледные пальцы трассера.

Как обычно, когда началась работа, страх пропал, и я, привычно освободив ППШ с рожковым магазином, стал бить короткими очередями в те места, откуда велась стрельба по десанту. Белой вспышкой по глазам ударил свет прожектора, и я ослеп! Я не видел ничего, кроме ярко-белого полотна, раскинувшегося перед глазами. Уже не было ночи, не было слышно грохота моего автомата. Не было слышно ничего! Казалось, что звуки сами по себе делятся на

непонятные составляющие и затихают, уткнувшись в это слепящее белое нечто.

Я перестал стрелять и, растопырив пальцы, вытянул руку в сторону укрытой белым светом земли, и вдруг прямо из этого света вырвалась и полетела к моей руке тонкая строчка красной пунктирной линии. Она приближалась медленно, как будто не хотела удаляться от светлой поверхности. Я знал, что это такое, и понимал, что если встречусь с этой прерывистой линией — умру. Умирать я не хотел, и поэтому попробовал выбрать группу строп, чтобы отойти в сторону!.. Но не смог даже пошевелиться, так и сидел в подвесной системе с вытянутой вперёд рукой.

Приблизившись ко мне, этот медленный трассер стал распадаться на сотни, тысячи красных точек, которые всё множились и множились, пока не заполнили своей краснотой всё вокруг: и далёкое небо, и залитую белым светом землю, и раскинувшийся надо мной купол парашюта. И вдруг я почувствовал, что начал падать прямо в это красное медленно пульсирующее пространство. Я закрыл глаза и тяжело вздохнул...

Открыв глаза, я увидел, что ничего не изменилось: я удобно лежал под кустом на своём матрасе; с другой стороны куста стояла палатка, возле которой чаёвничало всё моё семейство. Не торопясь, поднялся со своего надувного ложа, с удовольствием потянулся и пошёл составить им компанию.

— Что, опять кино смотрел? — спросила жена, когда дети убежали купаться.

Я взял бутылку с минеральной водой и, согласно кивнув, начал пить нагревшуюся воду большими глотками.

— Надеюсь, ты в порядке?

— В полном!.. Не переживай ты так! — хмыкнул я.— Это даже становится интересным. Как будто смотришь фильм с собственным участием!

— Ладно, артист! Пошли к детям, искупнёмся,— засмеялась жена и, не оборачиваясь на меня, побежала к реке.

Прошло несколько дней, а меня вдруг стало преследовать ощущение, что я чего-то жду, очень жду, а это всё никак не приходит! Но вместе с тем я был убеждён в том, что это вот-вот случится.

Вечер был пасмурный, дождливый, делать было нечего, и я решил пораньше лечь спать. К тому же меня не оставляло чувство, что этой ночью опять увижу самого себя и со мной наверняка что-то произойдёт. Хотя я к этому уже привык последнее время, во сне со мной всегда происходили непонятные для меня события. Единственное, что я знал наверняка, так это то, что всё, что мне снилось, относилось к Великой Отечественной войне!

...Выбросили нас удачно! Мы с ходу взяли этот посёлок, практически врукопашную перебив разместившихся в нём фрицев, но задачу свою пока не выполнили: нам надо было уничтожить склад с боеприпасами, который разместился на железнодорожной станции. Оставался один рывок, однако сделать его мы не могли. Наш десант был прижат к земле огнём из крупнокалиберного пулемёта, на который мы нарвались практически на подходе к станции. Бетонный ДОТ из своей хищной горизонтальной прорези выплёвывал длинные струи свинца, не давая возможности даже поднять голову. Я завалился в удачно подвернувшуюся канавку и лежал, не решаясь поднять голову, буквально всем телом ощущая, как надо мной мечутся в поисках своей жертвы пули.

Шло время, шло очень быстро. Буквально летело. А это было очень и очень плохо. Из соседнего городка на помощь уничтоженному нами гарнизону уже наверняка мчалась помощь, которой мы противостоять, скорее всего, уже не сможем. Надо было что-то делать. Надо было преодолевать этот ДОТ! Вообще-то я уже знал, что надо было делать. Я лежал ближе всех к нему, метрах в двадцати. Надо было только бросить гранату. Но бросить её так, чтобы она влетела через амбразуру вовнутрь. Иначе толку никакого не будет. Я перевернулся на спину и посмотрел в удивительно синее и чистое небо, оно было настолько чистым и ярким, что я непроизвольно задержал дыхание. Надо же, а я уже и забыл, что высота может быть такой пронзительно красивой. Жаль, не увижу больше... такого... неба...

Для того чтобы бросить гранату, надо встать! И не просто приподняться и бросить, а именно встать! Встать во весь рост, затем склониться вправо и бросить гранату так, как когда-то я бросал с сыном камешки на озере. Мы с ним искали плоские камешки, а потом кидали их, чтобы они рикошетили своей

плоской поверхностью от воды. А мы вслух считали, сколько раз камешек коснётся поверхности озера. И вот точно так же надо было бросить и гранату. Встать и бросить!.. Встать и бросить!.. Это ведь совсем не страшно и так просто! Взять и встать... Я улыбнулся, вспомнив, как сын смеялся, когда у него получался удачный бросок, и рванулся вверх...

У меня всё получилось. Всё было сделано как надо. Быстро и точно. Я не промахнулся. Я даже успел увидеть, как граната серым комочком врезалась в темноту амбразуры...

И вдруг я увидел себя со стороны. Увидел, как моё тело неторопливо встало на ноги, так же не торопясь наклонилось вправо, и из размахнувшейся руки вылетел и мучительно медленно полетел в сторону ДОТа... плоский камешек. Уйти от пулемётной очереди я не успел. С ясно осознаваемой тоской я видел, как ко мне из чёрной щели огневой точки понеслись пули. Но грохота пулемётных очередей слышно не было. И я уже понял почему... Пулемётчик тоже не промахнулся... Пули вошли в моё тело, и оно плавно опустилось на землю, глядя в небо застывшими глазами. Я перевёл взгляд со своего мёртвого тела на ДОТ и увидел, как из амбразуры вырвался огненный вихрь. И я улыбнулся. Я справился. Я люблю тебя, сынок!

Несмотря на утреннюю прохладу, я в одних трико стоял на балконе и смотрел в умытое ночным дождём небо. Оно было необыкновенно ярким и чистым. Я уже видел такое небо. Видел и запомнил его. И никогда уже не забуду! На душе у меня было спокойно, спокойно и грустно. Я знал, что мои сны закончились и что они больше не будут меня тревожить. Как будто мне было показано то, что я должен был увидеть. Обязательно должен был!

Этот сон был последним. Он был настолько реальным, что до сих пор дух захватывает. Он не был похож на те фантастические раскрашенные сны, после которых оставалось странное чувство недоумения и тревоги. Этот сон вызывал грусть, грусть оттого, что меня убили...

Зазвонил телефон, и я, вернувшись в дом, снял трубку.

— Виктор Анатольевич,— раздался женский голос,— вас беспокоят из городской библиотеки. У нас завтра будет проходить концерт художественных коллективов, и вы приглашены как наш лучший читатель!

— Вы набрали не тот номер. Я Андрей Викторович. А вам нужен мой отец...— начал было я и замолчал.

Я не знаю, сколько прошло времени, когда я вдруг обратил внимание на то, что стою возле стола и держу в руках трубку. Машинально поднёс её к уху и, услышав короткие гудки, осторожно положил на стол. Мне всё стало понятно, как будто сложился пазл, который никак не хотел складываться. А тут вдруг появилась недостающая частичка, и всё встало на свои места! И этой частичкой стало отчество моего отца — Анатольевич! Имя моего деда!

Медленно опустившись в кресло, задумался. Виктор Анатольевич — мой папа. Анатолий Васильевич — мой дед, который без вести пропал на фронте во время войны. Я, наверное, каким-то непостижимым образом смог увидеть, как мой дед погиб. Нет, не так! Я увидел его несостоявшиеся смерти, те моменты, когда он мог погибнуть, но не погиб.

Отсюда и его возможный расстрел. Папа рассказывал, что дед действительно был сыном русского дворянина, который пропал в смутное революционное время. Сам дед работал инженером на военном заводе. Имел бронь, но однажды оперативник из особого отдела предупредил его о том, что, если он срочно не уйдёт на фронт, за ним через два дня придут, как за сыном дворянина. Его тогда не взяли, он успел уйти. Но это могло бы быть!

А ещё я слышал, как меня называли по имени, там, в одном из моих снов! Но не придал этому значения. А потом я, наверное, по прихоти жизни, или судьбы, или чего-то ещё, пережил все те эпизоды, которые пережил и мой дед. Кроме того, последнего раза, когда он увидел яркое небо и вспомнил своего сына...

А может, это были только сны, и ничего больше? Но мне хочется верить, что это не так.

Я много раз держал в руках и разглядывал пожелтевший листок бумаги с неровным машинописным текстом, который гласил о том, что мой дед Анатолий Васильевич, парашютист-десантник, пропал без вести в 1944 году.

Я тебя помню, ДЕД!.. Помню!.. И буду помнить!..